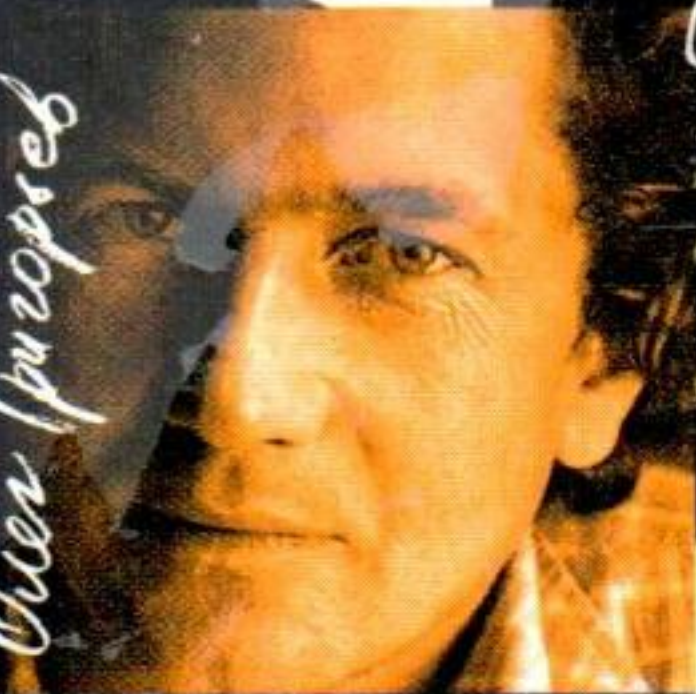

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

Олег Григорьев

Сергей Курехин

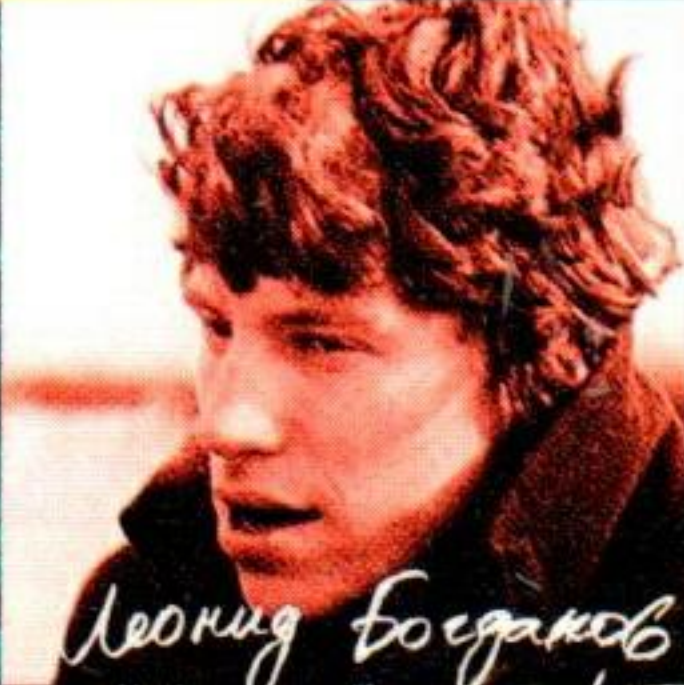
Борис Снегов

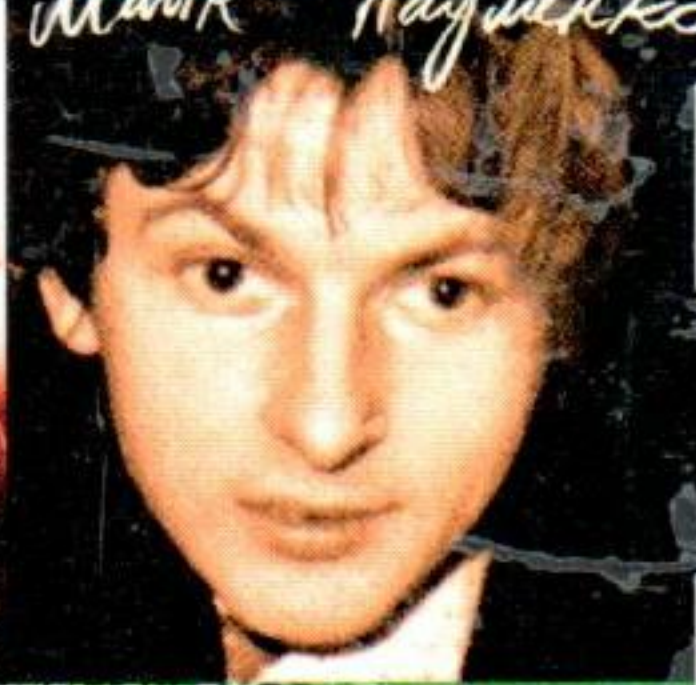
Виктор Вай

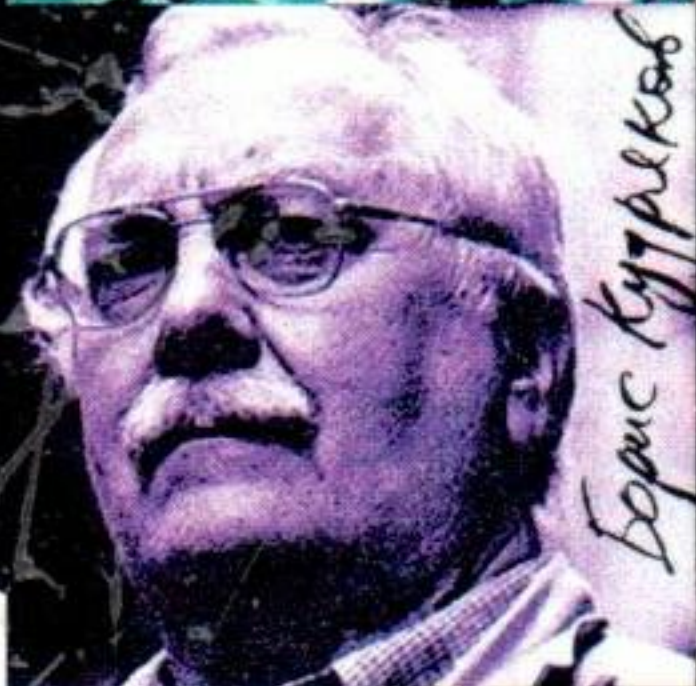
Леонид Богданов

Майк Науменко

Борис Куртсков

Юрий Орловский

Андрей (Сын) Павлов

амфора

Беспокорники города Питера

ПАВЕЛ КРУСАНОВ
НАЛЬ ПОДОЛЬСКИЙ
ПРИ УЧАСТИИ А. ХЛОБЫСТИНА И С. КОРОВИНА

Андрей (Свин) Панов

«Свин — парень вредный,
он не помрет»

Папа русского панк-рока Андрей Панов по кличке Свинья (ласково — Свин) вышел, как ни странно, из той среды, откуда обычно является на свет лишь снобствующая золотая молодежь, всегда имеющая *собственное мнение*, но — пустая тщета — неспособная обрести индивидуальность, сколь яростным и неодолимым не был бы порыв. Впрочем, это навязчивое исключение уже набрякло соками и, пожалуй, вполне созрело до правила, которое лишь ждет своего Ньютона, чтобы свалиться ему на голову (Эрик Берн с его *антисценарием* лишь подступился к теме). И то правда, довольно вспомнить звонаря Герцена, князя Кропоткина или сына североамериканского контр-адмирала Моррисона, чтобы увидеть в подобной веренице исключений некоторую закономерность, — при взгляде с крыши все эти истории локальных бунтов разнятся лишь в нюансах. Однако в них, нюансах, — сила, поскольку именно с ними мы по большей части и имеем дело.

Отец Свина, солист Кировского театра, хореограф Валерий Панов в свое (советское) время уехал на Запад (как бы в Израиль), где сделал блистательную карьеру, обретя популярность едва ли не большую, нежели Барышников и Нуреев (правда, в отличие от последних, его слава до нас толком не докатилась), и даже возглавил

Андрей Панов. Рок-фестиваль
в Михайловском манеже. 1988 г.
Фотография Д. Конрадта

лихой — по слухам — Боннский балет. Более чемпионской родословной в нашей компании мог похвастать разве что Панкер, отец которого был заместителем заведующего отделом идеологии и пропаганды Ленинградского обкома КПСС, благодаря чему на любые концерты в Юбилейном и СКК у нас всегда были проходки на предъявителя с местами в правительственном секторе. Ничего удивительного, что мальчик, проведший детство в филармонии и за кулисами Мариинки (мать Свина, Лия Петровна, тоже была балериной; когда друзья приходили к нему в гости, она любезнейшим образом предлагала им под принесенное вино скромные домашние закуски), перекормленный Чайковским и Стравинским, в конце концов презрел порядок и гармонию и возлю-

бил анархию и свинство. Удивительно как раз то, что на этом поприще ему удалось добиться блестящих результатов.

В школьные годы Андрюша был толстым домашним мальчиком, за что от жестокосердных сверстников ему изрядно доставалось. Он возненавидел школу лютой ненавистью, возненавидел настолько, что даже по ее окончании воспринимал первое сентября как день траура и скорби, но скорби на враждебной территории, траура в стане врага — он смотрел на отутюженные костюмчики школьников и ликовал: мучайтесь-мучайтесь, шельмы, а я — свободен! Тогда же у него сформировалось ясное и вполне адекватное представление о жизни: никаких иллюзий — по большому счету, в этом мире он никому, кроме матери, *не нужен*. Вероятно, должным образом препарировав его детские неврозы и страхи, вывернув наизнанку сиреневые потроха его бессознательных фобий, можно было бы сделать далеко идущие выводы... Но оставим эту сумрачную область Нине Савченковой, умеющей брать след в психоаналитических дебрях. Мы же вспомнили о детских годах Андрея так, для резкости картинки.

Следует оговориться — лично я считаю, что в случае Свина нет никакой патологии, клиникой тут не пахло и в помине, он был вполне вменяем, начитан, внутренне светел, понятия не имел о проблемах социальной адаптации и мог при необходимости блеснуть манерами. Причина, по которой окружающая действительность постоянно получала от него афронт, наполовину заключалась в его реакции на норму, на среднее, на *принятые правила*, которые он всей душой презирал, а наполовину — в артистическом жесте, поскольку по натуре Андрюша был неисправимый, заматерелый лицедей. Он исповедо-

вал свой художественный и бытовой экстремизм независимо от какого-то конкретного повода, без всякого осознанного проекта и рациональной цели — просто его натура, чуткая к ханжеству и не терпящая снобизма, ничего не хотела знать о том, что прежде считалось смыслом жизни или задачей искусства. По существу, Андрей — во многом, полагаю, помимо воли — оказался захвачен могучим, древним, притягательным и вполне традиционным полем народной смеховой культуры — скоморошеством. Предельным, отъявленным, махровым скоморошеством, местами граничащим с юродством. Оно (скоморошество) охватило его именно не вопреки, а помимо воли, как хомут жеребца, еще не ведающего, что это значит. Такое *дарованное* ярмо не скинешь, и в этом смысле Свина, пожалуй, можно назвать *избранным*. Бремя своей избранности он честно пронес, щедро окропляя свой путь вином, до конца, до самых, по собственному его выражению, врат «небесной бильярдной». Строго говоря, термин *панк* служил здесь лишь прикрытием, внешней ширмой со знаковым иероглифом, за которой клубились и пламенели дремучие стихии — безымянные или тысячеименные, что, собственно, одно и то же. Если иметь в виду вечный спор двух столиц, то в Москве подобная роль досталась Петру Мамонову, с той лишь разницей, что между сценой и жизнью Мамонов проводил довольно внятную черту, а у Свина тут никакой демаркационной линии не было вовсе.

Вот его собственное признание, сделанное в ту пору, когда он уже был общепризнанным лидером русского панка (при этом в интервью он постоянно заявлял, что то, что он делает на сцене — никакой не панк, а обыкновенная эстрада, и в ответ получал то, чего добивался — смех), то есть культовой, извините за выражение, фигу-

рой, олицетворяющей своеобразный, с позволения сказать, социальный протест:

Вообще то, что произошло все так — это совершенная случайность. При моей лакейской натуре я мог бы быть слугой, продавцом, официантом, шутком гороховым. То есть социальный герой из меня — никакой. Повторяю: это совершеннейшая случайность.

Признаться, лакейского в Свине ничего не было — было комедиантство, уже упоминавшееся лицедейство, так что уши самоговора торчат из той же шляпы: напал исповедальный стих, и вот он уже в роли. В действительности все было ровно наоборот: на деле Панов оказался одним из ярчайших нонконформистов нашего времени — нестигаемым, веселым, неподкупным, бесстрашным.

В соответствии с природной склонностью некоторое время Свин проучился в театральном институте (ЛГИТМиК), однако учебный процесс даже в этом легкомысленном заведении требовал пусть не гармонии, но определенной дисциплины и порядка, а с такими вещами Свин, как сказано, был категорически не в ладах. Не окончив и первого курса, он ушел из театрального (по слухам, за всю историю ЛГИТМиКа Панов оказался первым, кто выпорхнул из этой намазанной медом банки по собственному желанию) и больше уже не предпринимал попыток получить «высокое» образование, перебиваясь не слишком квалифицированной работой (продавец в магазине радиотоваров, разносчик газет, санитар в больнице, рабочий-такелажник в ЦВК Манеж) — теперь он был полностью свободен для *настоящего* дела, *настоящей* музыки, как он их понимал. А понимал он их весьма своеобразно: Свин не раз говорил, что предел его

мечтаний — создать самую плохую музыкальную команду, которая вообще только может быть. Безусловно, дерзкий замысел, поскольку уровень действующих на то время групп, за редким исключением, не выдерживал никакой критики. Однако у Свина было преимущество — те скверные группы тщились стать лучше, он же сознательно стремился к обратному. И ему повезло — он сразу получил то, что желал (соответствующих музыкантов), а дальше — пошло и поехало.

Началось все не без участия Панкера (он же Монозуб, если кто-то забыл), категорически не умевшего играть на барабанах, но беззаветно любившего это громкое дело. Оценочная часть предыдущей фразы, пожалуй, раскрывает основной принцип действия будущих «Автоматических удовлетворителей» («АУ») — делай то, что любишь, невзирая на то, умеешь ты это делать или нет. Несомненно, что-то подобное имел в виду Свин, повторяя при всяком удобном случае, как девиз, как рефрен главной песни своей жизни: «Радоваться надо!» Андрей постоянно настаивал на том, что на сцене он отдыхает, а не работает, и в этом ничуть не лукавил — музыку, которую он исполнял, было очень приятно играть, это был упоительный, засасывающий *оттяг*, момент полной и безусловной свободы, ну а то, что ее, эту музыку, невозможно слушать, так ему-то какое дело?

Вот фрагмент интервью из журнала «Рокси» за 1982 год, проливающий свет на историю «Автоматических удовлетворителей» и дающий некоторое (приблизительное) представление о манере публичного поведения Свина:

— Так с чего началось твое увлечение музыкой?

— А ни с чего. Вообще, как вам, одноглазым хрипунам, наверное, известно, я пою.

— А вот увлечение панком...

— Не перебивай. Я работал в магазине. В трудовой книжке у меня восемнадцать мест работы. Пришел ко мне чурик один — Монозуб — и начал какую-то лапшу на уши вешать... Он тогда хотел организовать группу. Он — ударник (этого ударника ... отовсюду, ... он, а не ударник), я — вокал, Севин брат — гитарист. Собрались. У каждого свое. Кто — «Блэк Саббат», кто — панк-рок. После недолгих пьяных разборок со страшным мордобоем и боем всего остального мне пришлось самому учиться играть на гитаре. Затем прошли четыре смены состава, и теперь мы — «Автоматические удовлетворители». Чего вы все спрашиваете, микрофон с места на место переставляете? Корреспонденты?! Дерьмо вы на букву «г», а не корреспонденты.

(Прим. редакции: вмешавшийся троюродный дедушка Свины, администратор, спас положение фразой весьма и весьма спорной: «Они такие же корреспонденты, как я — летчик!»)

— Что больше оказывает на тебя влияние — слова или музыка «Пистолз»?

— Вот чего никогда не знал, так это английского. Буржуйский язык. И люди поганые. Не люблю англичан.

— Значит, ты пишешь тексты, совсем не зная, о чем они поют?

— Да. Разве что такие пижоны вонючие, как вы, придут и переведут со стенки. Расскажу одну историю... Вот пришел ко мне Пейдж, сука, в больницу, принес статью о новом течении. Я думал — ничего интересного, а начитались до того, что сидели и били бутылки о раковину. Уборщица долго ругалась, меня чуть не выгнали из больницы. Когда мы прочитали первую статью: «Я спускаюсь в дурнопахнущий подвал...» и т. д., я подумал, как Маяковский в свое время: «Принимаю, мой панк-рок».

К концу семидесятых в Купчино под действием закона *вытеснения в группу* (непонимание и враждебность со стороны окружающих заставляют людей, стремящих-

ся к созданию или хотя бы поиску новых форм, менять образ жизни до тех пор, пока они не обретут единомышленников) сложилась странная компания, именовавшая себя «звери» или «битники». Слово «панк» еще не вошло в оборот, но по существу это было одно и то же (безымянное или тысячеименное). Ядром компании стали Женя Юфит (Юфа), Вольдемар, Кирилл (Хуа Гофэн) и Свин. Позже на некоторое время туда влились Панкер, Рыба, Цой и Пиня. Как и во всяком миноритарном сообществе, здесь была в ходу система опознавательных знаков — «свой». Кроме непритязательного стиля одежды (простейшей, желательно отечественного производства) и небольших темных очечков, существовала еще особая схема приветствия: при встрече два битника сгибали пальцы рук крючком, сцеплялись ими, чуть приседали и издавали яростный горловой вопль-рычание. Прохожие вздрагивали и с опаской обходили идиотов стороной.

В 1979-м Свин, купив на полученные от отца деньги кучу инструментов, микрофоны и полукиловаттный аппарат, собрал свою первую группу, о которой вполне внятно поведал в приведенном выше интервью. По городу поползли слухи: шутка ли сказать — первая советская панк-группа. Мало кто мог похвастать, что слышал «Автоматических удовлетворителей» (наполовину это была еще невещественная идея, эйдос), но вся подпольная рок-тусовка уже знала, что они есть. В те годы никто в таком исчерпывающем объеме, как Свин, не использовал скандал и эпатаж как безотказный инструмент самораскрутки. Причем делалось это совершенно бескорыстно, поскольку более бессребренической группы, чем «АУ» (даже в зените славы), и более бессребре-

нической звезды, нежели Свин, представить себе практически невозможно (музыканты в «АУ» подолгу не держались, так как с точки зрения шоу-бизнеса команда была совершенно бесперспективной — музыканты играли со Свином больше для имиджа, нежели из материальных соображений; что же касается самого Андрея, то периодически случались времена, когда знакомой продавщице в соседнем магазине приходилось отпускать Свину и его матери продукты в долг). Пожалуй, он уже тогда откуда-то знал забавный медийный принцип, который мастера российского пиара в полной мере взяли на вооружение лишь в начале третьего тысячелетия: информация о событии важнее самого события. Настолько важнее, что собственно события может и не быть — довольно лишь известий о нем.

Байки о Панове передавались из уст в уста, заставляя слушателей, да и самого рассказчика, содрогаться от ужаса и смеха. Так Свин не единожды на спор пил собственную мочу (Россия еще не узнала от доктора Малахова о чудовищной пользе уринотерапии), более того — находились свидетели (о безоговорочном доверии к которым нет и речи) его склонности к копрофагии. А как-то раз он присел во дворе за мусорным баком *по-большому*, и когда застигший его за этим делом бдительный милиционер потребовал убрать безобразие, послушно сгреб кучу горстями и пошел к блюстителю порядка с дерьмом в протянутых руках — обескураженный мент в ужасе дал деру. Была еще история с одной девицей, студенткой пединститута имени Герцена, которая шалила со Свиньей, но для серьезных целей имела виды на профорга курса. Однажды Свин ей, спящей, написал въедливым фломастером на ягодице пару слов, достой-

ных купчинского панка. Вернувшись к своему профоргу и в рабочем режиме, «без упоенья», по выражению поэта, «склонясь на долгие моления», девица, ничего о проделке Свина не ведавшая, неожиданно для себя была позорнейше уличена — серьезные цели пришлось оставить. В другой раз Свин с девушкой Ветой приклеили себе накладные усы и пошли на концерт гастролировавшего по той поре в СПб слащавого «Modern Talking», где весь вечер просидели в первом ряду с каменными лицами. Разумеется, был еще мат со сцены. Там же, на концертах, Панов расстегивал штаны и тряс перед публикой *прибором*. А как-то раз на концерте в Киеве зрители за раскрывшимся занавесом увидели среди инструментов и аппаратуры стол, за которым «Автоматические удовлетворители», не обращая внимания на зал, с немалым удовольствием выпивали и закусывали. Время от времени кто-то из музыкантов вставал, что-то брэнчал, чем-то шумел, Свинья с компанией за столом запевали, а потом все вновь возвращались к выпивке. И так — полтора часа, после чего под бурное недовольство зала занавес закрылся.

Всех связанных со Свином историй теперь уже не вспомнить — он плодил их чуть не ежедневно и неизменно в каждой из них выглядел блистательным подонком. Правда, однажды на моих глазах он все же был немало посрамлен.

Ко мне приехал в гости мой московский друг Володя Бацалев, и мы решили с ним, немного прогулявшись, выпить. Гуляли мы по зеленой улице Ленсовета, где я в ту пору жил, и, миновав пустырь, на пересечении Ленсовета с проспектом Юрия Гагарина повстречали Свина. Я был давно знаком со Свином, поэтому мы сцепи-

лись с ним пальцами и, грозно порычав, чем удивили Бацалева, исполнили *зверское* приветствие, после чего я пригласил Андрея к нам присоединиться. От выпивки Свин на моей памяти не отказывался ни разу. Направившись в ближайшую «стекляшку» (так называли торговые центры в новостройках), мы обнаружили печальную картину — увы, — столь характерную для предперестроечных времен: из винного отдела на улицу тянулся, извиваясь, гигантский хвост, что, с одной стороны, свидетельствовало о наличии дешевого вина, на которое мы и претендовали, а с другой — час скучать в очереди не хотелось. Да и не принято было в нашей компании толкаться по очередям. То есть в небольшой, к пивному ларьку — еще куда ни шло, а в этой — увольте.

Первым — в силу заявленных уже в самой своей внешности амбиций — прорваться в двери винного отдела вызвался Свинья. Посверкивая булавками и оцетинаясь ежиком волос, он с диким воплем ринулся на штурм, рассчитывая на шокирующий эффект психической атаки, однако толпившиеся в проходе мужики отбили натиск и бестрепетно вышвырнули Свина с крыльца обратно на улицу. Смутить Андрея мало кому удавалось, не чувствовал он смущения и теперь, однако конфуз был налицо.

— Учитесь, панки позорные, — сказал Бацалев, забрал у Андрея наши деньги и скрылся в заднем дворе магазина.

Через минуту он появился оттуда с пустым винным ящиком. Держа ящик над головой и всем своим видом изображая изнуренного однообразием службы местного грузчика, он неторопливо направился к заветным две-

рям. Как ни странно, мужики перед Володей даже расступились. Мы знали, что прорваться внутрь магазина — это отнюдь не победа, надо еще выбить в кассе чек, а здесь, у окошечка кассы, градус народного гнева столь велик, что способен запросто испепелить проныру на месте. Тем не менее через пять минут Бацалев появился на крыльце с ящиком, из которого торчали белые полиэтиленовые головки десяти бутылок «Эрети». Это была чистая победа.

Чуть позже, сидя на скамейке в зеленых кустах и попивая *сухарь*, Бацалев поведал, как ему удалось совершить этот подвиг. В винном отделе он подошел к невзрачному мужичку, стоявшему за три человека от кассы, и доверительно сказал: «Мужик, вот деньги — возьми мне вина. Я тебе вчера тут брал. Помнишь?» — «Не был я тут вчера», — возразил мужик. «Значит, брату твоему брал», — сказал Бацалев, и этот неожиданный аргумент решил дело.

Так московский писатель Володя Бацалев, тоже уже покойник, *сделал* питерского панка Свина. Впрочем, о соревновании в тот момент не было и речи: направленность действий была чисто конструктивная — на результат.

Когда слухи о Свинье докатились до подпольного столичного менеджера Артемия Троицкого, тот пригласил Панова в Москву, и «АУ» дали там два оглушительных концерта. Кроме музыкантов «АУ», в этой поездке принимали участие Панкер, Пиня и Рыба с Цоем, так что подробную информацию все заинтересованные лица могут почерпнуть из книги Рыбы «КИНО с самого начала». Впоследствии по поводу этого и подобных ему блистательных безобразий, а также вообще по поводу успеха «АУ» у рафинированного зрителя, один из

членов свиновской команды (упомянутый в интервью администратор) заметил: «Простой народ врубается и бьет Свиные харю. А интеллигенты сопли от радости глотают». Очень верное замечание. Простой народ бил Свина часто и сильно, так что ему приходилось порой подолгу отлеживаться дома. А *интеллигенты* и прочая богема, действительно, глотали сопли. Так уж работает эта вечная схема — массовое сознание не признает авангардный и в силу этого элитарный тип культуры, отказывая ему и в элитарности, и в культурности и расценивая его как непрофессионализм, антигуманность, бескультурие. В массовом сознании существует иная элита — та, что стоит на страже традиционной, общепризнанной, адаптированной и привитой обществу культуры. Юродствующее скоморошество как вид искусства всегда балансировало на грани, всегда было разнонаправлено, имело и ангельский, и демонический голоса, порождало как открытия, так и заблуждения, поскольку заключало в себе большой процент *ложного эксперимента* и при всяком удобном случае показывало публике голый зад. Такое варево придется по душе не каждому. Поэтому *простой народ* будет вечно подхохатывать Галкину и Петросяну, а рафинированная богема *глотать сопли* от «АУ» и «Звуков му». И те, и другие разнесены по полюсам культурно-исторической модели и ее оценочной шкалы, которая, скорее, не линейка, а круглый спидометр, на котором эти полюса, эти крайности оказываются, как это ни парадоксально, ближе друг к другу, чем к средним значениям той же шкалы.

В качестве иллюстрации к сказанному приведу одну историю. Однажды у меня на Днепропетровской Свин орал под гитару свою гривуазную версию макаревичевского «Капитана» — ту самую, с финалом: «Забыли ка-

питана корабля-бля-бля...» В Москве у Троицкого этот номер был принят на «ура», мне же с улицы в окно прилетел булыжник. Выглянув, мы увидели улепетывающего волосатого пэтэушника (в терминах того времени — гопника) — преданность кумирам не позволила ему стерпеть преступное глумление. О чем я? Любитель Вивальди просто бы наморщил нос и прошел мимо. А на полюсах шкалы пановские выходки порождали сильный всплеск эмоций, пусть и с разным знаком.

Надо сказать, что чертик лицедейства просыпался в Свиные только в присутствии зрителя, причем будучи в единственном числе, зритель зрителем не считался. То есть в приватной обстановке, с глазу на глаз, Свин был способен на вполне человеческое общение, трезвость оценки и теплоту чувств, однако стоило показаться кому-то третьему, как он преображался. Миру являлся паяц — редкостный циник, мерзавец и алкоголик — словом, его величество Петрушка, с полным набором убийственно брутальных выходок.

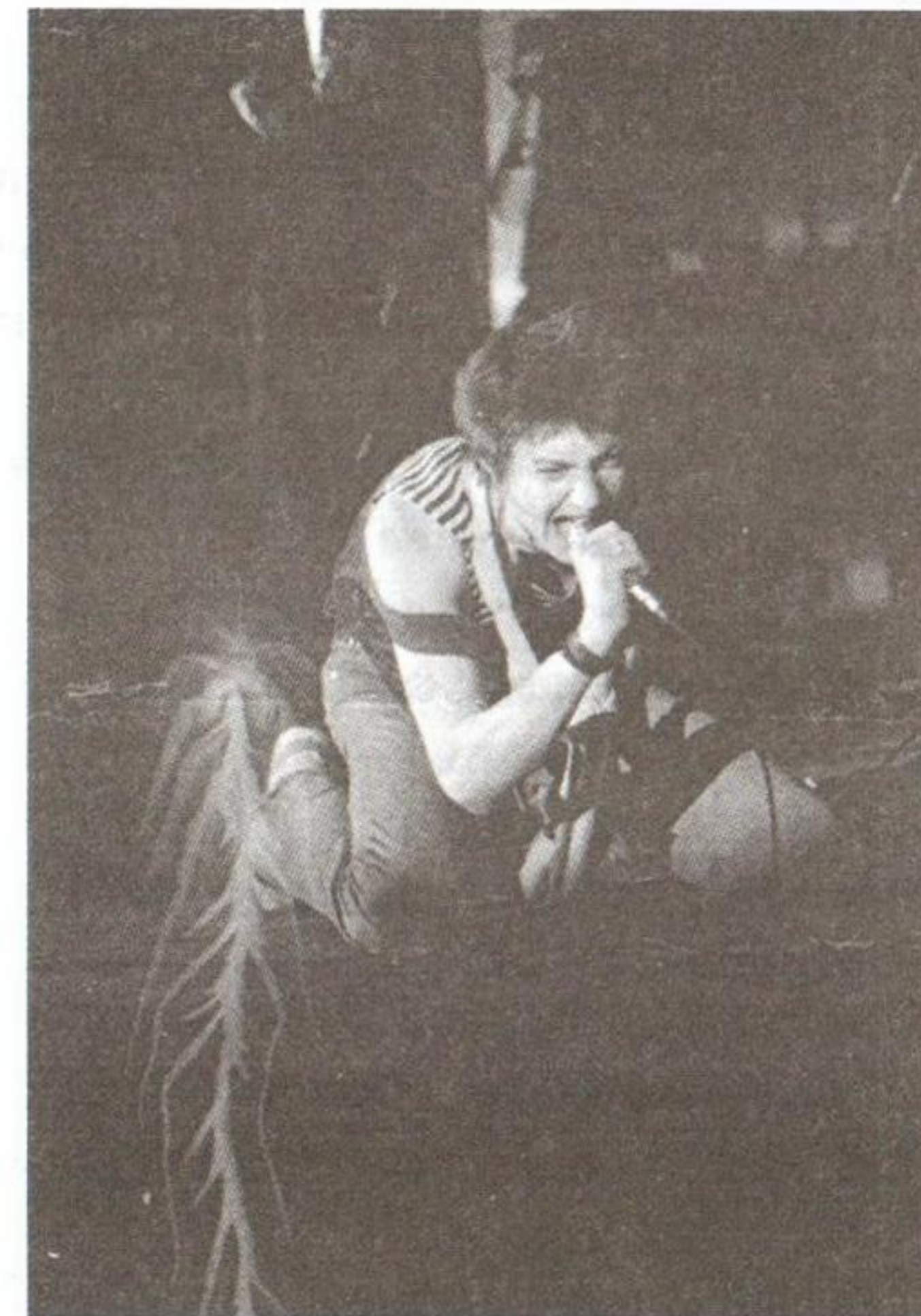
Пил он, действительно, много. Много даже по меркам беспробудно пьяных восьмидесятых и понемногу завязывающих девяностых. Алкоголь был частью его образа, его неотъемлемым атрибутом, каким служил кадуцей вестнику богов Гермесу. Он пил сутками напролет, сильно слабел, с похмелья его, как газетный ком, мотал из стороны в сторону невский бриз. Знавшие о его больных почках, говорили ему: «Андрюша, завязывай». Он неизменно отвечал: «Смерти моей хотите, сволочи». (Вообще, отношение к смерти у него было какое-то свойское, будничное — так, узнав о гибели Цоя, Панов бестрепетно заявил: «Что за человек! То беляшами отравится и лежит зеленый, то въ...тлся в стоящий автобус на совершенно пустом шоссе!») Даже на сцене Свин не раз

выходил к микрофону с бутылкой. Помнится, в июне 1996-го на стадионе «Петровский», где проводился очередной питерский рок-фестиваль, Свин, выступая со своим последним проектом «Аркестром АУ», обиженно пожаловался в микрофон: «Тут кто-то пиво обещал — и где оно?» Сей же миг на сцене появился Шевчук и преподнес Панову банку пива. Так он и пел свой «Трехмоторный дельтаплан» — расчетливо фальшивил и, то и дело прикладываясь к банке, разбрызгивал вокруг себя тугую пену.

Последний раз я видел Свина на вернисаже Мурада Гаухмана-Свердлова в феврале или марте 1998-го. Выставка проходила в помещении Музея городской скульптуры, расположенного в ту пору прямиком на кладбище у Александро-Невской лавры — в некрополе мастеров искусств. Помнится, по этому поводу мы еще довольно неловко остряли. Мурад угощал гостей разведенным пополам с тоником спиртом, который в большом количестве раздобыл где-то по случаю. (Мурад вечно пил всякую гадость — однажды он отравил своим самогоном Секацкого, и мы едва успели спасти товарища, влив в него в качестве антидота стакан хорошей водки «Дипломат».) Свин был в тельняшке и сером комбинезоне, который последнюю пару лет носил как положенную по уставу форму. Он был не то чтобы пьян, но как-то болезненно худ и немощен — его покачивало от слабости, вместо искрящей энергии внутри него ощущался какой-то вакуум (возможно, это была пустота нирваны), однако рассуждал он вполне ясно и держался приветливо.

— Ты часом не болен? — участливо поинтересовался я.

В ответ, само собой, я получил от Андрея решительную отповедь:

Андрей Панов.
Рок-фестиваль
в ЛДМ. 1987 г.
Фотография
Д. Конрадта

— Свин — парень вредный, он не помрет.

Но в небесной бильярдной его уже ждали друзья. Он умер через полгода — даже не по вине своих слабых почек, а всего лишь от дурацкого перитонита, вызванного запущенным воспалением червеобразного отростка слепой кишки. Какая-то невообразимая пошлость. Так не должны умирать беззаветные герои. Нет, не должны. А вот жить должны именно так.

Свин прожил свою жизнь, как хотел — решительно отринув суету и не заставляя себя делать что-то, что его ломало делать. Он был удивительно свободен в своем юродстве. Вернее, свободен именно через свое бесстрашное юродство. Послание, заключенное в его растянутом

во времени жесте, было ясным и недвусмысленным: не стоит торговать своей жизнью, не стоит смиряться с принуждением и давить себя гнетом дурацкой убежденности, что непременно нужно позволить себя изнасиловать, потому что без этого не добиться того, к чему стремишься, — поступая так, мы в результате пьем, дружим и спим вовсе не с теми, с кем хотели бы, а ровно наоборот — это ли не истинное безумие?

Да, он прожил жизнь так, как хотел. Он пил, дружил и спал с теми, с кем хотел, а не наоборот. И играл он так, как хотел. Он говорил:

Я с самого начала знал, что это будет самая хреновая команда и музыка — самое большое говно. И теперь, когда я вижу говно хуже себя, то в душе поднимается здоровое возмущение — как же так? Как можно еще хуже? Когда хуже меня — вот этого мне никак не стерпеть.

Катай спокойно шары в своей небесной бильярдной, Свин, ты победил — хуже тебя в этой жизни не сыграл никто.